

УДК 94(4)''374/1492''
DOI 10.26456/vthistory/2023.4.162–170

«MALA POTESTAS»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НИЗЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.К. Гладков

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В статье, основанной на анализе трактатов Иоанна Солсберийского, Фомы Аквинского и Иоанна Парижского, автор находит ответы на фундаментальные вопросы средневековой политической мысли (как необходимо вести себя подданным в случаях, когда к власти пришел тиран? Что следует делать народу в условиях гонений на веру? как должно реагировать на притеснения со стороны властей – учинить мятежи или терпеть?) и определяет характер отношения латинских писателей к нечестивой власти. Делается заключение, что средневековые мыслители допускали смещение тирана лишь в том случае, когда он окончательно укоренился в своих злодеяниях, нарушил сперва человеческие законы, затем природные, а после поправил и Божественные. Тогда тиран становился «врагом Бога», утрачивал легитимность и сакральность, а народ получал высшую санкцию на его свержение.

Ключевые слова: *тирания, политическая мысль, полемическая традиция, Иоанн Солсберийский.*

В средневековой политической мысли необходимость жить сообща традиционно объяснялась естественными потребностями человека («*Nam unus homo per se sufficienter vitam transigero non posset. Est igitur homini naturale, quod in societate multorum vivat*»)¹. Человек, согласно Аристотелю, являлся существом одновременно и общественным и политическим («*Naturale autem est homini ut sit animal sociale et politicum, in multitudine vivens, magis etiam quam omnia alia animalia, quod quidem naturalis necessitas declarat*»)². Именно отсюда проистекает надобность утверждения едино-

¹ *Divi Thomae Aquinatis doctoris angelici De regimine principum ad regem Cypri et De regimine judaeorum ad ducissam Brabantiae. Politico opusculo duo ad fidem optimarum editionum diligenter recusa Joseph Mathis curante. Taurini, 1923. P. 2* (Далее – *De regimine principum ad regem Cypri* с указанием книги (римские цифры), главы (арабские) и страниц); *Johannes Quidort von Paris Über königliche und päpstliche Gewalt (De regia potestate et papali)* (далее – *De regia potestate et papali*) // *Textkritische Edition mit deutscher Übersetzung von Fritz Bleienstein. Stuttgart, 1969. I. S. 75.*

² *De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 2; De regia potestate et papali. I. S. 75.*

личной власти государя (*rex*), выступающего в роли своеобразного «направляющего начала», кормчего, ведущего подданных к достижению «общего блага» («*In omnibus autem quae ad finem aliquem ordinantur, in quibus contingit sic et aliter procedure, opus est aliquot dirigente, per quod directe debitum perveniatur ad finem. Non enim navis, quam secundum diversorum ventorum impulsu in diversa moveri contingit, ad destinatum finem perveniret, nisi per gubernatoris industriam dirigeretur ad portum*»)³.

Подкрепляя свои суждения выдержками из Св. Писания – преимущественно ветхозаветными свидетельствами о целесообразности совместного существования⁴, схоласты акцентируют внимание читателей на особом значении разума (*ratio*), дарованного человеку для обеспечения пропитания и собственной безопасности. Рациональная составляющая социального бытия отличает индивида от животного: если зверям свойственна «природная данность» («... *alii animalibus insita est naturalis industria* (здесь и далее курсив наш. – *А.Г.*) *ad omnia ea, quae sunt eis utilia vel nociva, sicut ovis naturaliter aestimat lupum inimicum*»)⁵, некое инстинктивное начало, позволяющее им, в частности, естественным образом отличить «овцу» от «волка» – себе подобных от врагов, то для человека характерна способность к познанию мира, полученная им от рождения («*Homo autem norum, quae sunt suae vitae necessaria, naturalem cognitionem habet solum in communi, quasi eo per rationem valente ex universalibus principiis ad cognitionem singulorum, quae necessaria sunt humane vitae, pervenire*»)⁶); с помощью разума он приобретает жизненный опыт и навыки работы, но только объединившись, люди могут постигать предметы видимого мира во всем его многообразии.

В природе человека заложено стремление к объединению с себе подобными; постепенно из «равных» выделяется тот, кого «множество» за его достоинства и заслуги ставит над собой и почитает за «государя» (*rex, princeps*)⁷. Праведный правитель, которого иногда именуют «пастырем» («... *Dominus per Ezech dicit: Servus meus David rex super omnes erit, et pastor unus erit omnium eorum*»⁸) и «отцом народа» («*Habet tamen aliquam similitudinem regis, propter quam aliquando reges populorum patres vocantur*»⁹), призван, избегая личной выгоды («*Ex quo manifeste ostenditur, quod de ratione regis est quod sit unus, qui praesit, et quod sit pastor commune multitudinis bonum, et non*

³ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 1.

⁴ Ibid. I. 1. P. 2.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / Introd. by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II (1 ed. – 1909). Vol. I. Lib. IV. Cap. 1. P. 235 (Далее – Policraticus с указанием тома, книги (римские цифры), главы (арабские) и страниц); De regimine principum ad regem Cypri. I. 6. P. 8.*

⁸ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

⁹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

suum commodum quaerens»¹⁰), руководить подданными ради «общего блага», обеспечивая их всем необходимым, защищая и оберегая их интересы. Истинный государь (*rex verus*), непременно обладающий рядом добродетелей, – смирением (*animus*), скромностью (*modestia*), умеренностью (*moderatio*), милосердием (*miseriordia*), – должен защищать христианскую веру, а также божественные и человеческие законы, которые являются залогом благоденствия и спасением от всякого преступления¹¹. В основу «блаженного царства» благочестивого монарха, носителя божественной благодати и заступника (*defensor*) Церкви были положены концепция справедливости («...aequitas... rerum conuenientia est, quae cuncta coaequiparat ratione et imparibus rebus paria iura desiderat, in omnes aequabilis, tribuens unicuique quod suum est»¹²), рассматривавшаяся как центральная добродетель, сохраняющая человеческое общество¹³, и идея равного (*aequum*) для всех воздаяния за преступления. Часть средневековых мыслителей (в частности, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский и Иоанн Парижский) признавала за государем определенную сакральность, видя в самом факте его власти проявление воли Бога и свидетельство Его особой милости (*gratia*). Другие авторы, напротив, фактически приравнивали власть государя к власти Творца («Potestas enim regis potestas Dei est»¹⁴). Противопоставление *princeps Dei* и *tyrannus diaboli* также переносилось на страны и народы, находившиеся под их властью: так, *regnum iustitiae* провозглашалось в средневековых текстах антиподом погрязшего в грехах *regnum tyranni*, при этом сам тиран, – гонитель (*persecutor*) веры и *oppressor populi*, – был полным искажением образа законного (добродетельного) монарха. Индивидуальные черты государя (*princeps*) – «Александра Македонского», и тирана (*tyrannus*) – «Юлия Цезаря», с течением времени приобрели характер типологических особенностей, отличающих праведную и неправедную власти и непосредственно связанных с социальной и духовной действительностью: от жизни и манеры поведения подданных непосредственно зависело то, какая власть у них будет (Иоанн Солсберийский прямо писал о том, что за грехи народа на него посылается бремя в лице ложных государей – тиранов: «Nam et peccata populi faciunt regnare urosritam...»¹⁵) – добродетельная и милующая или греховная и карающая¹⁶.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Policraticus. Vol. I. 4. 2. P. 237.

¹² Ibidem.

¹³ *Guillaume de Conchis* Das Moraliu dogma philosophorum des Guillaume de Conches. Lateinisch, altfranzösisch und mittelniederfränkisch / Hrsg. von J. Holmberg. Paris, 1929. S. 12.

¹⁴ Tractatus Eboracenses. I–VI / Ed. H. Boehmer // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1897. T. III. S. 667.

¹⁵ Policraticus. Vol. II. 8. 18. P. 358.

¹⁶ В этой связи см.: *Hugonis monachi Floriacensis*. Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1892. T. II. I. 4. P. 468; 469.

Средневековые писатели полагали, что «нет ничего хуже тирании» («*tirannide... nihil est peius*»; «... *regimen tyranni est pessimum*»¹⁷), ибо *potestas injuria* подменяет благо, общее для всех подданных, интересами отдельного правителя¹⁸. Поэтому чем сильнее тираническое государство, утвержденное на принципах единоличной власти, тем значительнее вред, наносимый им «множеству» («... *ita e converso erit et in injusto regimine, ut videlicet quanto regens est magis unum, tanto magis sit nocivum*»¹⁹). Попирая законы, правители, лишённые добродетелей, утверждают порядок, подчиненный их личной справедливости, весьма далекой от идеалов *justitia Dei*²⁰. Разлагающее начало, которое они олицетворяют, наносит непоправимый вред всему «множеству». Тираны не только угнетают подданных, но и, что особенно важно, чинят им препятствия на пути духовного совершенствования; ведь в добродетельных и благочестивых людях они видят врагов и прямую угрозу собственным потестарным устремлениям²¹. Опасаясь прихода к власти узурпаторов, некоторые латинские писатели, прежде призывавшие, хоть и с некоторыми оговорками, покорно следовать воле монарха, будь он благочестив или грешен²², стали ответственно заявлять о праве подданных на сопротивление (*resistentia, contumacia*) нечестивому правителю. Может даже создаться обманчивое впечатление, что мыслители вели внутренний спор с самими собой: выступать ли им за примирение с игом тирании, или взывать к высшему отмщению. В очередной раз возникала проблема согласования библейских заповедей и исторической реальности, центрального принципа христианской этики «не убий» и жизненной необходимости свержения тирана. И снова вставали острые вопросы о том, допускается ли христианину умертвить несправедливого правителя; может ли он, не нарушив закон, покарать тирана; не является ли смещение недостойного властителя предательством?

В Средние века «оскорбление величества» считалось одним из тяжчайших государственных преступлений (*crimen maiestatis, perduellio*), под которым понимали не только измену (*perfidia*) и предательство (*proditio*), нанесение морального вреда властителю, но даже его физическое устранение. Пролитие крови правителя, являвшегося носителем и одновременно хранителем «образа божественного величия» (*imago quaedam diuinitatis est princeps, imago deitatis princeps*)²³, расценивалось как святотатство (*sacrilegium*)²⁴. Предательство короля, приведшее его к гибели, рассматривалось как своеобразное «порушение святыни» по двум причинам: во-первых, в лице монарха-страстотерпца сам Господь, даровавший ему особую благо-

¹⁷ De regimine principum ad regem Cypri. I. 3. P. 4.

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Policraticus. Vol. I. 4. 2. P. 237.

²¹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 3. P. 5–6.

²² Policraticus. 8. 18.

²³ Ibid. 8. 17.

²⁴ Policraticus. 6. 25

дать и высокое достоинство «стоять над всеми», вновь принимал на себя крестные муки, а во-вторых, – со смертью правителя страдало все общество²⁵. В едином «политическом теле государства» (*corpus rei publicae*) наступал разлад: его органы и члены переставали действовать сообразно главной цели социального бытия – достижению мира и добродетельного образа жизни.

Итак, убийство законного, добродетельного правителя – «смертный грех» и гнуснейшее преступление, «иудино предательство» и нарушение завета Творца почитать данную Им власть («... a Deo potestas regia in terris est...»). Подняв руку на легитимного государя, преступник самочинно выступал в роли исполнителя воли Божьей. Однако, как замечает Кассиодор, нет никого среди смертных, кто мог бы судить государя. Лишь один Господь – «праведный судья», вольный выбирать орудие отмщения. Если отношение средневековых авторов к нелегитимным выступлениям подданных, устремлённым на свержение законного правителя, вполне ясно, то далеко не столь однозначна их позиция по отношению к действиям, направленным против тирана, олицетворявшего образ дьявола (*imago diaboli, Luciferianae imago*)²⁶. Напомним, что и у Иоанна Солсберийского, и у Фомы Аквинского, – двух наиболее авторитетных политических писателей эпохи Средневековья, – встречаются пассажи прямо противоположного значения: проповедь идеалов смирения и терпения как основных средств борьбы с «неправедным игом»²⁷ «парадоксальным» образом уживается с допущением низложение тирана, воспринимаемого ими как законный и справедливый²⁸ акт воздаяния. Однако анализ их произведений убеждает в отсутствии внутренних противоречий в оценках *potestas injuria* и методов «борьбы» с ней. Внешнее несоответствие суждений о тирании было сознательным приемом, позволяющим во всем объеме развернуть перед читателем картину грехопадения человека, облеченного властью, как малой, так и весьма значительной. С целью демонстрации механизмов появления *potestas injuria* схоластами была предложена типология тирании «по составу» («тирания одного» и «тирания множества»; у Фомы Аквинского, следующего за рассуждениями Аристотеля, есть тезис о том, что «демократия», принципиально отличающаяся от «политии», представляет собой особую форму незаконной и несправедливой власти – «тирании народа», угнетающей богатых, см: «Si vero iniquam regimen exerceatur per multos, *democratia* nuncipatur, id est potentatus populi, quando scilicet populus plebejorum per potentiam multitudinis opprimit divites»)²⁹, «по действию», т. е. по способам, легитимным или незаконным (*usurpator*), получения власти, и «по масштабу» воздействия на окружающих.

²⁵ Ibid. 6. 25

²⁶ Ibid. 8. 17.

²⁷ Ibid. 8. 20; De regimine principum ad Regem Cypri. I. 6.

²⁸ Policraticus. 1. 3.

²⁹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

Таким образом, выработка различных ответных мер на *actio tyranni* напрямую зависела от двух факторов: типа, к которому принадлежал тиран, и степени его грехопадения – способности или неспособности принести покаяние и изменить образ жизни³⁰.

Наблюдая за поступками и бытом властителя, оценивая его слова и писания, можно понять, насколько глубоко он укоренился в своих злодеяниях. Основательное знание психологии западноевропейской аристократии позволило Иоанну Солсберийскому проследить внутреннюю эволюцию, претерпеваемую тираном, и выявить несколько трудноуловимых для взора стороннего наблюдателя стадий, каждая из которых отражает определённый этап духовного вырождения человека, облечённого властью и ставшего на путь порока. Размышляя о вреде забав (*nugae*), Иоанн как бы между прочим употребляет понятия, в действительности имеющие огромное значение для реконструкции представлений о *potestas injuria*, характерных для эпохи Средневековья: «враг народа» (*hostis populi, publicus hostis*) и «враг природы» (*hostis naturae*). Под первым понимается тиран, а под вторым – охотник (*venator*); оба термина в некотором смысле дополняют друг друга. Подобно тому как тиран угнетает подданных, охотник загоняет безвинных животных; один убивает людей, а другой, до поры до времени, – лесных тварей; роднит их жадность, жестокость (как у Кентавра)³¹ и гордыня (как у Нимрода; «*Primus ergo ponitur Nembroth robustus uenator contra Dominum. Eum reprobum fuisse non ambigis, quem omnium doctorum turba condempnat. Traditur hic in tantam elationis erupisse uecordiam, ut non uereretur iura temerare naturae, cum consortes conditionis et generis, quos ingenuos illa creauerat, hic addiceret seruituti*»³²).

В Средние века неоднократно указывалось на то, что государю, дабы приблизиться к идеалу совершенного монарха, следует скорее миловать, чем карать грешников, предпочитать милосердие вынужденной жестокости; в глазах латинских авторов бесстрашие (*impatientia*) государя и подданных выступает одним из ведущих условий утверждения благочестивого общества, в то время как вожделения способствуют духовному вырождению, итогом которого и тиран, и охотник уподобляются диким зверям³³, лишенным разума и способности к добродетели. Фактически, *venator* – это *tyrannus*, но только стоящий в начале нравственной деградации; *publicus hostis* представляет первую стадию преобразования человека в тирана. Образ действий этого «малого тирана» четко укладывается в составленную Иоанном классификацию неправедных правителей «по масштабу», в которой различаются «частные», руководящие семьей и родом, «государственные», управляющие страной, и «церковные» тираны, стоящие во главе приходов и епархий.

³⁰ Policraticus. Vol. II. 8. 21. P. 379.

³¹ Ibid. Vol. I. 1. 4. P. 26–27.

³² Ibid. P. 27.

³³ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 3.

Излив гнев на родных и друзей, истребив ни в чём не повинных, беззащитных животных, тиран обращает свой взор на людей и, переходя на вторую стадию перерождения, постепенно становится «врагом народа» (*publicus hostis, hostis populi*). Злоупотребляя властью, он нарушает установленный Богом закон, попирает право и справедливость, угнетает подданных, одним слово – разрушает «гражданский мир». Не утолив неуёмной жажды убийства, влекомый желанием подчинить всех и вся своей воле, тиран выступает против духовенства, ограничивает свободы Невесты Христовой (*libertas ecclesiae*), соответствуя тем самым третьей стадии распада личности и становясь «врагом Церкви» (*hostis ecclesiae, persecutor ecclesiae*). Однако когда тиран прилагает все свои силы на уничтожение церкви и ее клира, тщится низвергнуть ее учение и внести смуту в «стадо Христово», тогда он, доходя до предела вырождения, при котором уже просто невозможно мирное с ним сосуществование, обрекает себя на возмездие со стороны Господь, видящего в тиране-безбожнике Своего врага (*hostis Dei, hostis Domini*) и друга дьявола (*amicus diaboli*). Таким образом в восприятии латинских авторов, сам Создатель воздаёт тирану по заслугам (Втор. 3, 21; Втор. 7, 24; Иер. 34, 21; Ос. 10, 15.)³⁴. Люди же могут выступать в роли орудия, коим будет вершиться суд над нечестивым государем³⁵.

Действия тирана (*hostis Dei*) направлены не только на полное подчинение церкви своей воле, но и на порабощение государства в целом, в итоге ведущее народ к гибели. В политических трактатах нередко возникает оппозиция *servitus/libertas*, противопоставление государства свободных и рабов, преследующих в своем развитии различные цели («*Alius autem est finis conveniens multitudini liberorum, et servorum*»)³⁶. Речь в данном случае идет не столько о буквальном следовании эллинистически-римской традиции, в основе которой лежит идея социальной дифференциации, сколько о совершенно новом, христианском, прочтении, построенном на моральном толковании различных состояний человеческой души и общественной роли индивида. Если праведный правитель, являющийся «рабом справедливости», борется за свободу народа, то тиран, – «раб греха» (*servus peccati*), – в своей политической деятельности стремится подменить «божественную справедливость» (*justitia Dei*) ложной *justitia tyranni* и, как следствие, ввести народ в состояние рабства. Государство тирана – это, как правило, государство рабов (*respublica servorum*). Нечестивый монарх, подчиняющий подданных собственной воле, искажает божественный закон, ибо делает от природы свободного (бывшего «причиной самого себя») рабом, т. е. «причиной другого». Тем самым определяя социальное бытие человека, тиран лишает его права выбора между добром и злом, дарованного ему от рождения Богом, и личной свободы; вся жизнь подчиненных порочной власти подданных обращена к постоянному утолению греховной жажды и отстра-

³⁴ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 6.

³⁵ Policraticus. 8. 21.

³⁶ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 1. P. 3.

нена от праведного пути. Именно в этой связи в средневековой политической мысли возникает теория легитимного низложения тирана, построенная не только на толковании отдельных пассажей Св. Писания, произведений Аристотеля и Цицерона, но и на принципах единого для всех мистического кодекса жизни, своеобразного *regula vitae populi*.

Тиран, о смерти которого писали латинские авторы, и гибель которого они по большей степени оправдывали, прошёл в своей внутренней эволюции путь от «врага» природы и народа, до «врага» Церкви и Бога. Достигнув последней стадии, – *hostis Dei*, – он тем самым сам обрёл себя на гибель, и суд Божий непременно его настигнет. Ведь не случайно же, как показывает история, конец нечестивых правителей жалок («*omnium tyrannorum finem esse miseriam*»)³⁷.

Список литературы:

1. *Divi Thomae Aquinatis doctoris angelici De regimine principum ad regem Cypri et De regimine judaeorum ad ducissam Brabantiae. Politico opusculo duo ad fidem optimarum editionum diligenter recusa Joseph Mathis curante.* Taurini, 1923.
2. *Guillaume de Conchis Das Moraliu dogma philosophorum des Guillaume de Conches. Lateinisch, altfranzösisch und mittelniederfränkisch / Hrsg. von J. Holmberg.* Paris, 1929.
3. *Hugonis monachi Floriacensis Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti.* Hannoverae, 1892. T. II.
4. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / Introd. by P. McNulty.* N. Y., 1979. Vol. I–II.
5. *Johannes Quidort von Paris Über königliche und päpstliche Gewalt (De regia potestate et papali) / Textkritische Edition mit deutscher Übersetzung von Fritz Bleienstein.* Stuttgart, 1969.
6. *Tractatus Eboracenses. I–VI / Ed. H. Boehmer // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti.* Hannoverae, 1897. T. III.

Об авторе:

ГЛАДКОВ Александр Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

---

³⁷ Policraticus. 2. 8.

**«MALA POTESTAS»: THE THEORETICAL ASPECTS
OF THE MONARCH'S DETHRONEMENT IN MEDIEVAL
POLITICAL THOUGHT**

A.K. Gladkov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

In article, based on analysis of the most influential political treatises of the XII-th-XIVth centuries, such as John of Salisbury's «Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum», Thomas Aquinas' «De regimine principum ad regem Cypri» and John of Paris's «De regia potestate et papali», author tries to find an answers on the fundamental quæstions of medieval power's reflections (how should subjects behave when tyrant came to power? What should people do under conditions of persecution for faith? How should man react to authorities' oppressions – revolt or suffer?) and studies representations of «mala potestas», id est tyranny («rex injustus»), and tyrannicide's strategies of argumentations. The author investigates logic of intellectual constructions concerning problems of legal actions against usurper power.

Keywords: *tyranny, political thought, polemical tradition, John of Salisbury.*

About the author:

GLADKOV Alexander Konstantinovich – Candidat of History, Assistant professor, Senior Scholar, the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32a), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.